

Валерия Кучко

«Вся неправда от лукавого»: о «магической» и «демонологической» мотивации в сфере лексики со значением обмана

В центре внимания автора — связи между семантической сферой обмана и семантической областью магического и демонологического, обнаруживаемые во внутренней форме языковых единиц, в логике развития их значений и в пространствах этимолого-словообразовательных гнезд, к которым они принадлежат. Такие связи вскрывают народные представления об обманщике, обладающем сверхчеловеческой природой. Материалом служат лексемы и фразеологизмы русского общенародного языка и народных говоров со значением обмана, мотивированные обозначениями колдунов, знахарей, магических действий и нечистой силы. Выявляются основные модели семантического развития рассматриваемых единиц (например, схема «колдун / нечистый дух» → «обманщик»). Для некоторых из них предложены возможные мотивационные решения.

Ключевые слова: русские народные говоры, диалектная лексика и фразеология, этнолингвистика, семантико-мотивационный анализ, семантика обмана.

Семантика обмана характеризуется высокой степенью абстрактности и одновременно повышенной экспрессивностью. Вследствие этого она, как правило, вторична и развивается у языковых единиц, уже обладающих первичными, часто конкретными, значениями. Иначе говоря, большинство слов, имеющих в своей семантике «обманный» компонент, — единицы мотивированные. В качестве мотивирующих выступают лексические группы различных тематических сфер. Нередко можно проследить действие системного метафорического переноса из определенной тематической сферы в «обманную». Примером может служить метафора рыхления земли и боронования, а именно — переносы «боронить» → «говорить неправду» и «тот, кто боронит» → «врун», ср. рус. костр. *муты́лить* ‘врать, обманывать’ (< ‘рыхлить землю’) [ЛКТЭ], карел. *боронить борону́* ‘говорить неправду, врать’ [Кобелева 2004: 27–28], свердл. *наборонить* ‘сказать неправду, наврать’ [СРНГ, 19: 129], яросл. *боронильщик* ‘лгун, болтун’ [ЯОС, 2: 16], ср.-урал. *борону́ха* ‘говорящая неправду’ [СРГСУ, 1: 53] и др. Семантическое расстояние между сферой-донором и сферой обмана может быть разным; переносы отличаются и по степени продуктивности (регулярной воспроизводимости). Ниже мы остановимся на тематической

Валерия Станиславовна Кучко

Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург
kuchko@inbox.ru

сфере, обозначенной нами как «магическая и демонологическая», принадлежность слова к которой позволяет «втягивать» его в поле семантической области обмана. Связь между двумя рассматриваемыми областями значений наблюдается достаточно регулярно; она может считаться древней, поскольку ее неразрывность прослеживается в пространстве древних общеславянских этимолого-словообразовательных гнезд (ср., к примеру, ниже о гнезде **maniti*), когда вернее говорить о синкретичном комплексе значений («магических», «демонологических» и «обманных»), нежели о действии семантического переноса.

Итак, ряд лексических и фразеологических единиц со значением обмана мотивирован обозначениями нечистой силы, колдунов, магических действий. Можно предположить, что в народных представлениях обман воспринимается как порождение нечистой силы, связывается с колдовскими действиями или, напротив, служит способом противостояния злым силам¹. Сведения об этом могут транслироваться через фольклорные тексты (например, былички) или речевые высказывания (ср., к примеру, словарные контексты, где совмещаются роли колдуна и обманщика вроде пск. «Колдун *заманом* завел в лес», ср. *замán* 'обман' [СРНГ, 10: 231], смол. «Колдуны одну бабку *удодорили*», ср. *удодбрить* 'обмануть, зачаровав' [ССГ, 11: 13]). Однако наше внимание будет обращено на семантику и внутреннюю форму языковых единиц, в которых закрепляются подобные представления. Материалом для статьи послужили лексические и фразеологические единицы общенародного русского языка и народных говоров.

Обман и колдовские действия

История отдельных «обманных» выражений свидетельствует о рождении их из конкретных магических практик (например, считается, что общенар. *заговаривать зубы* связано с лечением больных заговорами, некоторые из которых могли унять зубную боль [Бирх, Мокиенко, Степанова 2005: 258]).

Сфера магического выступает «донором» лексических единиц для семантического поля обмана. Мотивирующими для «обманных» лексем становятся слова, называющие субъекта колдовства — *колдун*, *шаман*, *волхв*², *пухтарь* (ср. без указ. места *пúхтарь* 'знахарь' [Даль, 3: 566]): астрах. *колдун* 'плут,

¹ Практики «ритуального обмана» для защиты человека от нечистой силы описываются, в частности, С.М. Толстой [2010: 317–324].

² В смоленских говорах *волхвом* называли знахаря или колдуна, ср. смол. *идти в волхву* 'идти к знахарю или знахарке', смол. *волхвít* 'колдун, знахарь, ворожей' [ССГ, 2: 74].

обманщик' [СРНГ, 14: 117], енис., бурят. *ошамáнивать* 'по суеверным представлениям, околдовывать', 'обманывать' [СРНГ 25: 78], смол. *обволхвiть* 'обмануть' [СРНГ, 22: 11], забайк. *пúхтарь* 'шарлатан, обманщик' [СРНГ, 33: 165]; колдовское действие: арх., сев.-двин. *кúдэсiть* 'хитрить, клеветать' и 'заниматься колдовством' [СРНГ, 16: 10], смол. *озелять* 'обманывать' и 'околдовывать знахарским зельем' [СРНГ, 23: 89]. Дополнительным стимулом для семантического переноса может служить распространенный способ, к которому прибегают для достижения своих целей знахари и колдуны, — заговаривание, нашептывание особых слов, отсюда появление у «колдовских» глаголов значения говорения (часто — с негативно-оценочным компонентом), ср. вят., влг. *пúктосить* 'ворожить, колдовать', 'говорить вздор, пустомелить', *пúхтáть* арх., влг., тобол. 'лечить заговорами, нашептывать, колдовать', пск. 'говорить про себя, шептать, ворчать' [СРНГ, 33: 165], арх., влг. *пúвовать* 'ворожить, колдовать', 'ворчать, брюзжать, говорить вздор, болтать' [СРНГ, 33: 104].

Слова со значением обмана могут возникать внутри словообразовательного гнезда с производящей основой, обладающей семантикой колдовства. В гнезде корня *куд-* / *клуд-* встречается ряд слов поля обмана: влг., твер., перм., смол. *прокúда* 'хитрый человек, притворщик, обманщик', пск. *прокúдень* 'то же', ворон. *прокúдить* 'хитрить, надувать кого-л.' [СРНГ, 32: 165], яросл. *прокúдничать* 'хитрить, притворяться, обманывать' [СРНГ, 32: 166], яросл. *приклúда* 'притворщик' [ЯОС, 8: 88], *поклúдница* 'притворщица, лицемерка' [ЯОС, 8: 46]. Спектр значений данных лексем, помимо «обманных», включает значения 'выдумывать', 'безобразничать', 'вредить' (для существительных — 'тот, кто выдумывает / шалит'). Для киров. *прокúда* отмечается закономерное значение 'волшебник' [СРНГ, 32: 165]. Прасл. **kudь*, **kudo*, **kuditi* принадлежат смысловой сфере чудесного и имеют формально-семантические параллели и этимологическую связь с прасл. **čudo*, **čuditi*, отличаясь от последних более негативной окраской семантики [ЭССЯ, 13: 83], ср. орл. *куд* 'злой дух' [СРНГ, 15: 395], арх. *кудь* 'колдовство' [СРНГ, 16: 17], диал. шир. распр. *кудесить* 'колдовать', 'шалить; портить что-л.', 'бездельничать', 'хитрить; клеветать на кого-л.' [СРНГ, 16: 10].

Обман и персонажи низшей демонологии

За устойчивостью упоминаний нечистой силы во внутренней форме «обманных» слов стоят глубинные представления о вредоносности нечистой силы, подкрепленные книжно-христианским образом духа — носителя мирового зла (выражаемые,

например, в пословицах вроде «От бога дождь, от дьявола ложь» [Даль, 2: 245], «Сказал бы Богу правду, да черта боюсь» [Даль 1879, 1: 230]).

Взаимное тяготение «обманных» и «демонологических» смыслов прослеживается на уровне древней семантики. В качестве примера можно рассматривать ряд русских диалектных континуантов праслав. **maniti* < *mati*, в гнезде которого семантика развивалась от значения ‘делать знаки, подзывать’ до значения ‘морочить кого-то, обманывать’: *ман* новг. ‘нечистый дух, живущий в доме, в бане или на колокольне’, новг., олон. ‘лжец, обманщик’, *мана* смол. ‘наваждение, нечто призрачное’, олон. ‘обман’ [СРНГ, 17: 354], *маньяк* ворон., южн., зап. ‘призрак, видение’, тул. ‘злой дух в виде падающей звезды’, калуж. ‘обманщик’ [СРНГ, 17: 366]. Значение обмана может быть вторичным по отношению к «демонологической» семантике и семантике обманчивых зрительных впечатлений, имеющих мифологический аспект¹, ср., например, диал. шир. распр. *блázнить* ‘чудиться, мерещиться’, *блázнить* твер. ‘в суеверных представлениях — приносить несчастье дурным глазом’, ‘обманывать’ [СРНГ, 2: 314], *мрачить* влг. ‘мерещиться’, перм., влг. ‘колдовать’, арх., сверд., сиб. ‘обманывать’ [СРНГ, 18: 327].

Субъект обмана в силу вызываемого к себе резко отрицательного отношения иногда отождествляется с нечистой силой, а его действия характеризуются как действия нечистой силы: пск. *верёвочный чёрт* ‘об обманщике, сумасброде и т.п.’² [ПОС, 3: 81], твер. *дёмка* ‘обманщик, плут’, твер. *дёмить* ‘лукавить, обманывать’³ [СРНГ, 7: 349] (ср. твер. *демёшка* ‘сатана, демон’, *демёшкины (дёмьины) ребята* ‘нечистые духи, черти’ [СРНГ, 7: 349]), костр. *подьяволить* ‘обмануть’ [СРНГ, 28: 267]. Семантический спектр отдельных лексем демонстрирует возможность

¹ В частности, согласно словарным контекстам, их насылают на человека иномирные силы; «видятся» нередко мифологические субъекты, получающие в языке оформление в виде существительных типа перм. *блázень* ‘привидение’ [СРНГ, 2: 313], курск. *морóка* ‘призрак’ [СРНГ, 18: 273], вят. *млílко* ‘дух, обитающий в пустынных местах и пугающий людей’ [СРНГ, 18: 184] и др., образованных от глаголов «мерещенья».

² Атрибутив *веревочный* может быть объяснен реализуемым им мотивом верчения, скручивания, часто привлекаемым для выражения представлений об обмане (ср. хотя бы урал. *вертун* ‘обманщик’ [СРНГ, 4: 155], влг. *искрученный* ‘лживый’ [ЛКТЭ]). Кроме того, образ веревки устойчиво связывается с фигурой черта (о реализации мотива веревки в языковом конструировании образа черта см.: [Березович, Родионова 2007: 477–480]). Отрицательные коннотации *веревки* могут формироваться вне прямой зависимости от мифологических представлений, будучи основанными на использовании веревки при насильственном повешении или самоубийстве, ср., к примеру, сев.-двин. *верёвка* бран. ‘шалопай, хулиган’: «Раньше имело, вероятно, значение — достойный веревки, повешения» [СРНГ, 4: 126] (ср. еще пск. *верёвочник* ‘бранное слово’ [СРНГ, 4: 126], выступающее, вероятно, в семантической связке с рассматриваемым словосочетанием).

³ Вероятно, отрицательному значению способствовало созвучие с *демон*, см. о слове *дёма*: [Фасмер 2007, 1: 497].

их употребления для номинации как нечистой силы, так и субъекта обмана, ср. *лихоман* курск. 'дьявол, черт', вост. 'обманщик, мошенник' [СРНГ, 17: 79].

Субъекту обмана могут приписываться характеристики нечистой силы: смол. *преиспóдный* 'очень хитрый; лукавый' [ССГ, 9: 10], новг. *как чёрт на колу* 'хитрить, изворачиваться' [Сергеева 2004: 130], новг. *вертеться как шиш¹ на дубине* 'хитрить, изворачиваться' [Сергеева 2004: 130–131] (на обманщика «проецируется» такое свойство черта, как излишняя подвижность, склонность к верчению, которое «вычитывается», к примеру, из новосиб. *крутиться как черт на бересте* [Кобелева 2004: 217], литер. *вертеться как бес (черт) перед заутреней*, литер. *бес* 'о вертлявом, подвижном человеке или животном', влг. *бесье ребро* 'то же' [ЛКТЭ]).

Процесс обмана рисуется как принуждение объекта обмана к вступлению в контакт с нечистой силой: омск. *на беса посадить* 'обмануть' [СРНГ, 30: 134], костр. *беса совать* 'осторожно обманывать': «Беса совать — это не то что обманывать, ну, врать, изворачиваться, с тонким подходом» [ЛКТЭ]², диал. *обувать в чёртовы лапти* 'обманывать' [Мокиенко, Никитина 2008: 352]. В последнем выражении семантика обмана поддерживается также мотивом обувания и упоминанием лаптей.

Во-первых, сам глагол *обуть* в просторечии и говорах имеет значение 'обмануть, перехитрить кого-л.', а во-вторых, мотив обувания в лапти варьируется в следующих фразеологизмах: новг. *обуть в кривые лапти* 'обмануть, обобратить кого-л.': «Ну что, Маша, и тебя в кривые лапти эта продавщица обула?» [Сергеева 2004: 230], новг. *переодеть из сапог в лапти* 'обмануть, обобратить кого-л.': «Пришла она к нему, её быстро из сапог в лапти переодели» [Сергеева 2004: 230] и др. «Обманные» коннотации глагола *обуть* отчасти связаны с реализацией им мотива подчинения чужой воле, а «обманные» коннотации лаптей, в частности, связаны со способом их изготовления: плетение регулярно интерпретируется как обманное действие, ср. арх. *лапти сплести* 'обмануть, ввести в заблуждение'³.

За выражением пск. *морочить беса* 'обманывать, колдовать' [Мокиенко, Никитина 2008: 39], вероятно, стоит пресуппозиция «обманщик так ловок, что способен обмануть даже беса». Нечистая сила может выступать не только субъектом, но и объ-

¹ *Шиш* без указ. места 'нечистый, сатана, бес' [Даль, 4: 656].

² У костр. *беса совать* фиксируется также значение 'совершать магические действия, желая навредить кому-л.' [ЛКТЭ].

³ О «мифологическом» контексте данного выражения см.: [Володина 2006].

ектом обмана, ср. многочисленные бытовые сказки об одураченном черте (сюжеты 1000–1199 сравнительного указателя сюжетов восточнославянских сказок [СУС]). Значение ‘колдовать’ подсказывает еще одно обстоятельство, на которое может опираться фразеологизм: в восточнославянской традиции укоренено представление о подчиняющихся колдуну бесах, которых он заставляет работать, чтобы они не навредили ему самому [СД, 2: 530].

Упоминание *беса* содержит в себе повышенную экспрессию и может вносить в семантику выражения «обманной» (т.е. выражено отрицательный) компонент: новг. *наговорить беса в ступе* ‘много наговорить, налгать’: «Слушай больше, она беса в ступе наговорит, врунья» [Сергеева 2004: 122], смол. *гнать беса* ‘говорить неправду’: «Что ты мне гонишь беса? Ты правду скажи» [ССГ, 3: 60].

Тот факт, что «обманная» семантика может возникать благодаря корню *бес-*, позволяет предполагать, что пск. *бесомыжничать*, *бесомыничать* ‘обманывать, плутовать’ [СРНГ, 2: 270] получили такие значения вследствие своего осмысления в качестве словосложений с первым компонентом *бес* ‘нечистый дух’. Эти слова входят в следующее гнездо, элементы которого имеют негативную семантику: *бесомыка* влад., курск., орл. ‘вертопрах, ветрогон, гуляка’, влад. ‘сплетник’, *бесомыга* пск. ‘безбожник’, новг., яросл., твер. ‘вертопрах, гуляка’, новг. *бесомыжить* ‘праздно проводить время, слоняться без дела’, новг., пск. *бесомыжничать* ‘то же’, новг. *бесомыжница* ‘легкомысленная женщина’ [СРНГ, 2: 269–270].

В пространстве русских говоров существует еще как минимум два формально и семантически сходных словообразовательных гнезда, где второй компонент, по разным версиям, является или экспрессивом на базе *мыкать* ‘беспорядочно двигать, терзать’ (как в литер. *горемыка*), или продолжением праславянского корня **(s)myg-* / **(s)myk-* (как в литер. *шмыгать*), а первый, по одной из версий, может быть корнем *бос-* из слова *босой* (см.: [Варбот 1984: 53; Аникин, 4: 107]): это гнезда вокруг слов *босомыга* / *босомыка* и *басамыга* / *басамыка*. В силу близкого набора значений у данных гнезд можно предполагать, что эти слова являются вариантами одного экспрессива с меной гласных в первом компоненте, происходящей вследствие дестимологизации. Тем более кажется показательным, что «обманное» значение возникает только у слов с фонетическим вариантом *бес-* и отсутствует в семантических спектрах лексем, первый компонент которых содержит другую гласную. Отсюда вероятность хотя бы вторичной аттракции слов на *бас-* / *бос-* + *мыка* / *мыга* к *бес* ‘нечистый дух’.

* * *

Подведем некоторые итоги. Внутренняя форма «обманных» лексем и фразеологизмов, а также их логика семантического развития показывают, что в народных представлениях обман регулярно соотносится со сферой магического и демонологического. Можно говорить о двух основных «сюжетных линиях», прослеживаемых в сфере лексики и фразеологии со значением обмана с изучаемой мотивацией.

Согласно первой из них субъект обмана воспринимается как носитель сверхъестественного знания: модели, по которым строится семантический перенос, можно обобщить до схем «колдун / знахарь» → «обманщик» и «применять магическое знание» → «обманывать» (ср., к примеру, астрах. *колдун* 'обманщик'). Языковые факты отражают, с одной стороны, опасение по отношению к «знающим» («знатким» и т.д.) людям, вызванное приписываемой им способностью «делать на худо», т.е. вредить кому-то из членов социума; с другой стороны, объясняют умение вводить в заблуждение другого человека наличием у него особых знаний.

Согласно второй совпадают позиции субъекта обмана и демонологического персонажа, что демонстрируют схемы развития значений «нечистый дух» → «субъект обмана», «действовать как нечистая сила» и «принуждать к контакту с нечистой силой» → «обманывать» (ср., например, пск. *верёвочный чёрт* 'обманщик'). В номинациях находят отражение оба выше-названных фактора — отрицательное отношение к обманщику и желание объяснить его способность одурачивать другого сверхчеловеческой природой.

Обозначений демонологических существ, участвующих в образовании «обманных» единиц, немного: это *бес*, *черт* и — единично в нашем материале — лексемы *шиш* и *дёмка* 'черт, бес, нечистый дух'. Можно назвать некоторые причины, объясняющие особую активность *черта* и *беса* в лексике и фразеологии обмана:

- *бес* и *черт* — родовые и обобщающие названия представителей нечистой силы. Эти персонажи не обладают строго закрепленными за ними функциями, локусом обитания, временем появления перед человеком (в отличие, к примеру, от лешего, жестко связанного с лесом, или кикиморы, прядущей оставленную пряжу). Напротив, черт и бес вездесущи и могут постоянно сопровождать людей, производя самые разные вредоносные действия — их образы могут становиться собирательно-негативными. Формированию обобщенно-негативных образов беса и черта способство-

вала также христианская традиция, для которой (в отличие от языческой) значима роль противника Бога и человека. Номинации черта и беса, следовательно, могут становиться негативно-экспрессивными, утрачивать свое конкретно-семантическое наполнение и употребляться в составе бранных и оценочных выражений, в том числе со значением обмана;

- языковая популярность беса и черта поддерживается их популярностью в текстах фольклора (поговорках, быличках, сказках), апокрифической и житийной литературы;
- при создании языковых портретов беса и черта, с одной стороны, и, с другой стороны, разработке лексико-семантической сферы обмана (в частности, создании языкового портрета обманщика) используются общие мотивы, основные из которых — мотивы кривизны и верчения. К примеру, *кривым* могут называть как черта (ср. влг. *кривой* 'нечистый дух', диал. *кривые бесы* [Толстая 2008: 284], новг. *кривой* 'черт', без указ. места *кривой вражонок* 'то же' [Черепанова 1983: 71]), так и обманщика (ср. ряз. *кривой* 'обманщик, лжец' [СРНГ, 15: 245], ср.-урал. *криву́ля* 'болтун, лгун' [СРГСУ, 2: 63]); некоторые примеры разработки мотива верчения в обеих семантических областях приводились выше.

Между «магическим» и «демонологическим» сюжетами в языковом пространстве нет строгой границы¹. И колдуны, и представители нечистой силы могут номинироваться по одним семантическим моделям (ср. примеры табуирования: *старик* ленингр. 'мифическое существо' и р. Урал 'знахарь, колдун' [СРНГ, 41: 76], орл. *во́рог* 'колдун, знахарь' и 'леший' [СРНГ, 3: 108]); в названии колдуна может отражаться то, что он «знается» с нечистой силой (ср. олон. *бе́сник* 'колдун' [СРНГ, 2: 269]). Слова, называющие колдунов и нечистых духов, нередко развивают бранную резко негативную семантику, и появление «обманных» значений в семантических спектрах закономерно продолжает общую линию их семантического развития.

Наконец, повторимся, что в случаях, когда мы имеем дело с набором значений в пространстве древнего этимологического гнезда (к примеру, прасл. **kud-* / **čud-*), трудно говорить о том, что «обманное» значение возникло в качестве вершины семантической цепочки вследствие метафорического переноса по приведенным выше схемам. Нельзя исключать его неразрывную связь со значением «магическим».

¹ Ср. возможность сочетания «колдовского», «демонологического» и «обманного» значений в спектре одной лексемы: арх. *еретік* 'злой дух, нечистая сила; колдун; ловкий обманщик' [СРНГ, 9: 22].

Источники

- Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007—. Вып. 1—.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель, АСТ, 2005. 926 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.
- [Даль 1879] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1879. Т. 1—2.
- Кобелева И.А.* Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. 312 с.
- [ЛКТЭ] Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.
- Сергеева Л.Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Вел. Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2004. 307 с.
- [ПОС] Псковский областной словарь. Л.: ЛГУ, 1967—. Вып. 1—.
- [СД] Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995—2012. Т. 1—5.
- [СРГСУ] Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1964—1988. Т. 1—7.
- [СРНГ] Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—. Вып. 1—.
- [ССГ] Словарь смоленских говоров. Смоленск: СГПУ, 1974—2005. Вып. 1—11.
- [СУС] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка [Электронный ресурс]. <<http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/index.htm>>.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 1—4.
- [ЭССЯ] Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1974—. Вып. 1—.
- [ЯОС] Ярославский областной словарь. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981—1991. Вып. 1—10.

Библиография

- Березович Е.Л., Родионова И.В.* «Текст черта» в русском языке и традиционной культуре // Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 467—493.
- Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984. 260 с.

- Володина Т.В. Кто кого и зачем обувает в лапти // Славянские языки в свете культуры. М.: ООО «А Темп», 2006. С. 228–242.
- Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
- Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике. М.: Либроком, 2010. 368 с.
- Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского севера. Л.: ЛГУ, 1983. 169 с.

“All the Falsehood from the Devil”: “Magic” and “Demonological” Motivation in Vocabulary with the Meaning of Deceit

Valeriya Kuchko

Ural Federal University
51 Lenin str., Ekaterinburg, Russia
kuchko@inbox.ru

This article focuses on the links between the semantic field of deceit and the semantic area of magic and demonology as revealed within the inner form of language units, and the logic of the development of their meanings. The spaces of etymologic-formative families to which these two semantic fields belong are also considered. The links found manifest the folk conception of deceit, according to which the deceiver is perceived as superhuman in nature. The materials for the work are tokens and collocations of the Russian nation-wide language and dialects. The words with the meaning of deceit motivated by designations for wizards, sorcerers, magic acts, and evil forces, are analysed in terms of their semantics and motivation. The main models of semantic development of the units considered are revealed. Among them are the schemes “sorcerer / evil spirit” → “deceiver”, “to practise sorcery / to act as evil forces” → “to deceive”. Possible motivational solutions for some lexical and phraseological units are given, for example, *besomyzhnichat* ‘to deceive’ (Pskov region), *veryovochnyi chort* ‘deceiver’ (Pskov region). A number of reasons for the active participation of *chort* and *bes* (or “devil”) in the formation of units with the meaning of deceit are suggested.

Keywords: Russian dialects, dialect lexis and phraseology, ethno-linguistics, semantic and motivational analysis, semantics of deceit.

References

- Berezovich Ye. L., Rodionova I. V., “‘Tekst cherta’ v russkom yazyke i traditsionnoy kulture’ [“Devil’s Text” in Russian Language and Traditional Culture], Berezovich Ye. L., *Yazyk i traditsionnaya kultura. Emolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture.

- Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik, 2007, pp. 467–493. (In Russian).
- Cherepanova O. A., *Mifologicheskaya leksika russkogo severa* [Mythological Lexis of Russian North]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1983, 169 pp. (In Russian).
- Tolstaya S. M., *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshche-slavyanskoy perspektive* [Space of the Word. Lexical Semantics in Common Slavic Perspective]. Moscow: Indrik, 2008, 528 pp. (In Russian).
- Tolstaya S. M., *Semanticheskie kategorii yazyka kultury: ocherki po slavyanskoy etnolingvistike* [Semantic Categories of Language and Culture: Essays in Slavic Ethnolinguistics]. Moscow: Librokom, 2010, 368 pp. (In Russian).
- Varbot Zh. Zh., *Praslavyanskaya morfonologiya, slovoobrazovanie i etimologiya* [Proto-Slavic Morphology, Word Formation, and Etymology]. Moscow: Nauka, 1984, 260 pp. (In Russian).
- Volodina T. V., ‘Kto kogo i zachem obuvaet v lapti’ [Who and Why Puts Bast Shoes on Someone], *Slavyanskije yazyki v svete kultury* [Slavic Languages in Light of Culture]. Moscow: OOO “A Temp”, 2006, pp. 228–242. (In Russian).